

DOI: 10.31696/S086919080033383-8

ИСЛАМ И УСТНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ МАЛИ

© 2025

П.А. КУЦЕНКОВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва Россия.
ORCID: 0000-0002-4288-6167; p.kutsenkov@ivran.ru

Резюме: Факты, изложенные в этой статье, не принадлежат к числу малоизвестных, особенно в тех случаях, когда они почерпнуты из средневековых арабоязычных письменных источников. Многие были опубликованы ранее, в том числе, и самим автором. Однако ранее автор статьи никогда не рассматривал эти факты в контексте того синтеза ислама с доисламской культурой, что существует в Мали в наши дни. В статье рассмотрены те сведения о взаимодействии ислама и доисламской культуре, что можно найти в средневековых арабоязычных источниках, а также рассказы о таинственных исчезновениях и генеалогии манденских и догонских вождей. В рассказах о таинственных исчезновениях, которые явно появились на местной почве, вплетаются мусульманские персонажи, причём на совершенно тех же правах, что и язычники вроде Суманджуру Канте. Упоминание ашки Сонгаи Мухаммеда в рамках истории об Abiré Goro помещает и пророчество о возвращении догонов в Страну манде, и саму культуру догонов, как и всю культуру Мали, в контекст мусульманской цивилизации; история языческой догонской деревни Семари возводится к городу Кангаба, что связывает её с манден (малинке или манденка) в рамках общедогонского мифа о происхождении. При этом используется название «Манденская Кааба», привязывающее этот город к исламу, т.е. деревня, в которую даже вход мусульманам запрещён, при помощи ислама же легитимизирует своё историческое предание и своих вождей-анимистов. По мнению автора, за те 1290 лет, что прошли с момента появления мусульман на территории современной Республики Мали, там сложился синтез традиционной доисламской культуры с исламом, причём такой, что современная традиционная культура Мали является мусульманской в той же степени, что и доисламской, и в ней совершенно невозможно отделить одно от другого без значительных упрощений.

Ключевые слова: Мали, ислам, устные исторические предания, таинственные исчезновения, генеалогии

Для цитирования: Куценков П.А. Ислам и устные исторические предания Мали. Восток (Oriens). 2025. № 3. С. 171–182. DOI: 10.31696/S086919080033383-8

ISLAM AND ORAL HISTORICAL NARRATIONS OF MALI

© 2025

Petr A. KUTSENKOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow Russia.
ORCID: 0000-0002-4288-6167; p.kutsenkov@ivran.ru

Abstract: The facts presented in this article are widely known, especially when they are taken from medieval Arabic written sources. The author examines information about Islam and pre-Islamic culture in medieval Arabic-language sources, stories of mysterious disappearances

and the genealogy of leaders. Muslim characters are woven into the stories of mysterious disappearances, which clearly appeared on local soil, and on exactly the same rights as pagans like Sumandjuru Kanté. The mention of the Songhai Askia Muhammad in the context of the Abire Goro story places both the prophecy of the return of the Dogon to the Land of the Mande, and the Dogon culture itself, like the entire culture of Mali, in the context of the Muslim civilization. The history of the pagan Dogon village of Semari goes back to the city of Kangaba, which connects it with the Manden within the framework of the general Dogon myth of origin. In this case, the name "Manden Kaaba" is used, tying this city to Islam, i.e. the village, which Muslims are not allowed to enter, legitimizes its historical tradition and its animist leaders with the help of Islam. The author concludes that over the 1290 years that have passed since the appearance of Muslims on the territory of the modern Republic of Mali, a synthesis of traditional pre-Islamic culture with Islam has developed there. The modern traditional culture of Mali is Islamic to the same extent as pre-Islamic, and it is impossible to separate one from the other without significant simplifications.

Keywords: Mali, Islam, oral historical narrations, mysterious disappearances, genealogies

For citation: Kutsenkov P.A. Islam and Oral Historical Narrations of Mali. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 171–182. DOI: 10.31696/S086919080033383-8

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ИСЛАМЕ И ДОИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЕ В МАЛИ

Мусульмане появились на территории современной Республики Мали после первого набега арабов на Вагаду (Гану) в 734 г. Сейчас, формально, 90 % малийцев являются мусульманами-суннитами. Арабоязычные средневековые источники содержат сведения, позволяющие составить некоторое представление об эволюции взаимоотношений мусульман и приверженцев традиционных религий (и, шире, всей доисламской традиционной культуры) на территории современной Республики Мали и – что в контексте данной статьи представляет наибольший интерес – об эволюции и самих этих взаимоотношений, и их влияния на местную мифологию, и об отражении этих процессов в последней. Наиболее интересны в этом отношении произведения ал-Бакри и Ибн Баттуты, а также написанные самими африканцами «Суданские хроники»: «Тарих ал-Фатташ» Махмуда Кати и «Тарих ас-Судан» ас-Сади.

Ал-Бакри оставил описание столицы Древней Ганы, как считалось до относительно недавнего времени, Кумби Сале¹, где ясно указывает, что там существовали два города, царский и тот, «где живут мусульмане», один в шести милях от другого. При этом, «в городе царя имеется мечеть, в которой молятся те из мусульман, кто прибывает к царю» [*Древние и средневековые источники*, 1965, с. 181]. Схожим образом ал-Бакри характеризует город Каукау (имеется в виду город Гао, столица государства Сонгай): «Каукау – это два города: город царя и мусульманский город». Далее ал-Бакри поясняет, что «их царь – мусульманин; они на царство сажают только мусульман» [*Древние и средневековые источники*, 1965, с. 188].

В Кумби Сале сосуществование двух городов пока что не подтверждается археологическими источниками. Возможно, что это объясняется тем, что ал-Бакри описал какой-то

¹ Кумби Сале – название деревни в современной Мавритании, в 113 км к северу от Нары в Мали, поблизости от которой находился древний город. Как он назывался в древности, неизвестно. Со столицей Ганы этот город был отождествлён на основании сообщения в Тарих ал-фатташ: «Городом царя был Кумби – большой город. Упадок их державы наступил в первом веке хиджры пророка [622–719]» [*Суданские хроники*, 1984, с. 43].

другой город: Гана в разное время имела разные столицы, и они перемещались вместе с царским двором [Leyser et al., 2018, p. 237]. Что же касается столицы сонгайской державы, то раскопки Соишира Такезава и Мамаду Сиссе в древнем Гао (север современного города Гао) и Гао-Саней (в 7 км к западу от Гао), предпринятые в 2001–2004 гг., подтвердили полностью сведения арабских источников о двух городах: «Наше открытие доказало сам факт существования в X в. двух городов-побратимов Гао, которые располагались на восточном берегу реки Нигер. Более того, масштабы каменных зданий и богатство импортных и местных изделий, которые выходят за рамки общепринятых представлений о “средневековой” истории Западной Африки, предполагают, что жители древнего Гао подчинялись централизованной власти. Должно быть, она подкреплялась процветающим торговым и производственным центром Гао Саней, где ремесленники-торговцы из Северной Африки сосуществовали с местным населением» [Takezawa, Cisse, 2012, p. 835]. В северной части древнего Гао был обнаружен и царский дворец, самый ранний в Западной Африке.

Аль-Баكري ясно пишет о «городе царя и мусульманском городе», это позволяет предположить, что население было разведено в пространстве по конфессиональному признаку, причём «царский город» был скорее языческим, коль скоро он противопоставляется мусульманскому (хотя сам царь и исповедовал ислам).

В истории Мали хорошо известен прецедент разведения представителей разных конфессий в пространстве: это старый Дженне (Дженне-джено) и новый Дженне, основанный в 3 км от старого, если верить археологическим источникам, в IX–XI вв. [McIntosh, 2009]. Письменные источники указывают на другую дату: VIII – начало IX вв. Согласно Тарих ас-Судан, новый Дженне «возник в языческом окружении в середине второго века хиджры пророка [24.VII.719–29.VII.816] – да будет над ним лучшая молитва и привет! Потом язычники приняли ислам около конца шестого века [22.VIII.1107–28.VIII.1204]. Султан Конборо [или Комборо. – П.К.] был первым, кто обратился, и его ислам принял его народ» [Суданские хроники, 1984, с. 157].

Устные традиции Дженне сохранили иные сведения: по словам марабута Эль-хадж Мамаду Траоре, прозванного Бья-Бья (*Bia-Bia*), «с момента основания в городе всегда были религиозные и светские вожди. До исламизации было двадцать пять (25) вождей, а с момента исламизации до наших дней – девяносто (90). Ислам был введён Сиига, но дата на данный момент неизвестна. Династия, к которой он принадлежал, начала править в [неразборчиво...] год хиджры, то есть в то время, когда к власти в Саудовской Аравии пришла семья Абдул Малика Марувы [т.е. Абд аль-Малика ибн Марвана]» [Traoré, 1984, p. 50; цит. по: Holder, 2012, p. 9].

Халиф Абд аль-Малик ибн Марван правил в 685–705 гг.; его «семья», т.е. Омейяды, пришла к власти в 661 г. Таким образом, есть некоторые основания полагать, что новый Дженне был основан лет на двести раньше той даты, что указана в Тарих ас-Судан; соответственно, раньше началась и исламизация нового Дженне. Впоследствии, по инициативе властей, он стал заселяться исключительно мусульманами, что в Тарих ас-Судан и зафиксировано: «Когда султан решился принять ислам, он приказал собрать всех учёных, которые находились в округе города; а их число достигало четырёх тысяч двухсот человек. Султан обратился в ислам пред их лицом и повелел, чтобы они обратились к Аллаху Всевышнему с тремя просьбами для этого города. А именно: чтобы каждому, кто бежит в Дженне со своей родины из-за бедности и нищеты, Аллах заменил их достатком и богатством, так чтобы он забыл свою родину; чтобы помимо коренных его жителей в городе жило больше людей, чем этих жителей...» [Суданские хроники, 1984, с. 157]. Третья просьба касается сугубо экономических вопросов, и мы её касаться не будем. Что до первых двух, то, поскольку трудно допустить, что улемы молились за язычников, они представляют собой ясную программу

поощрения миграции мусульман в новый Дженне. Как бы то ни было, из Дженне-джено люди уходили: «сокращение городского населения начинается около 1100 г. и продолжается примерно до 1300 г. Демографическая атрофия в Дженне-джено становится стремительной после 1200 г., и он (и его спутники) прекращают свое существование к 1400 г.» [Gomez, 2018, p. 18].

Можно предположить, что разведение разных конфессиональных групп в пространстве в Дженне-джено и в Дженне была, скорее всего, связана со специфической чертой социальной организации, видимо, вообще характерной для древних городов Внутренней дельты и излучины Нигера: с практикой создания специализированных этно-профессиональных поселений-спутников городов², которые, по выражению Р. Макинтоша, в Дженне-джено образовали «экосоциальную сеть равноправных членов» (*ecosocial web of equals*) [McIntosh, 2009, p. 18]. Суть этого явления состоит в том, что иноплеменники, т.е. потенциально конфликтные группы, селились не в самом городе, как это обычно происходило в древних цивилизациях, но поблизости от него, образуя специализированные профессиональные поселения, которые занимали строго определённые ниши в хозяйстве Дженне-джено и делали самодостаточной экономику всей агломерации. Иными словами, в Дженне практика разведения потенциально конфликтных социальных групп была перенесена на потенциально конфликтные конфессиональные группы. Для полноты картины надо отметить и перенесение столицы, не связанное с какими-либо религиозными предпочтениями: Н'Голо Диарра, родоначальник династии Нголоси (*Ngolosi*) окончательно перенёс столицу в город Сегу Кура (*Segu Kura*, Новый Сегу, яз. бамананкан), основанный в качестве резиденции предпоследним царём династии Кулибали.

В той мифологии Дженне, что была зафиксирована в новейшее время, население города уже не делится на язычников и мусульман. Наблюдается прямо противоположная тенденция. Так, никого не смущает, что в основании мусульманского «города трёхсот тринадцати святых», который ещё и находился «под присмотром» четырёх праведных халифов³ [*Суданские хроники*, 1984, с. 159], лежит языческое жертвоприношение: при основании города в гробницу живьём была замурована невинная девушка Тапама Дженепе (мученица Дженне), о чём авторы «Суданских хроник» умалчивают. Но не молчит о ней современная городская мифология. Как заметил Жиль Хольдер, «местные предания рассказывают о единственном ребенке, чтобы подчеркнуть то, что жертвоприношение было обычным [*sacrifice consenti*, т.е. соответствующее общепринятой практике, необходимое жертвоприношение. – П.К.]. Упоминание же о невинности является более поздним элементом, вероятно, связанным с исламом – так известный повсюду в Африке и на других континентах (особенно в Восточной Европе) миф был лишен своей языческой окраски... Гробница Дженепе сейчас является одним из обязательных пунктов посещения во время мусульманских шествий, связанных с вызыванием дождя на благо города» [Holder, 2012, p. 20]. Заметим, что в середине XVIII в. история, похожая на печальный рассказ о несчастной Тапама Дженепе, случилась и в городе Сегу. Себастьян Филипп передаёт рассказ о том, как в 1755/1757 гг. невиданным злодейством было отмечено основание города Сегу Кура царём Джекоро Кулибали (*Kulibali Diékoro*, яз. бамананкан): «Гордый и жестокий царь, он приказал замуровать в фундаменте тата⁴ шестьдесят мальчиков, а в его стенах – шестьдесят девственниц, дабы сделать их нерушимыми» [Philippe, 2013, p. 34]. Морис Делафосс пере-

² Подробно об этих поселениях и их роли в истории города см.: [Куценков, 2017, с. 83–85].

³ Согласно Тарих ас-Судан, сонни Али смог взять Дженне только после того, как они отвернулись от города потому, что «некий из начальников войска обидел жестокой несправедливостью» «одного слабого бедняка» (отнял у него жену) [*Суданские хроники*, 1984, с. 159].

⁴ Укреплённая резиденция правителя в Западной Африке.

даёт эту историю иначе: «Утверждают, что он замешивал глину для стен своей резиденции на крови специально для того убитых пленников» [Delafosse, II, 1912, p. 287].

Иными словами, миф о происхождении города претерпел существенные изменения с XVII в., когда ас-Сади писал Тарих ас-Судан: теперь в нём мусульманские элементы переплетены с доисламскими так тесно, что разделить их уже невозможно. В Мали практика разведения приверженцев потенциально конфликтных религий по разным «квартирам» хоть и редко, но всё же встречается и в наши дни: в догонской деревне Бенемату (*Begnematou*, регион Бандиагара, Мали) один квартал населён мусульманами, второй христианами, а третий язычниками. Кварталы христиан и анимистов непосредственно граничат друг с другом, а мусульманский находится далеко в стороне (*рис. 1*)⁵. В деревне, таким образом, на глазах наших современников в миниатюре воспроизводится средневековая история Дженне: если какая-либо семья из числа приверженцев традиционной религии принимает христианство или ислам, то она переселяется в соответствующий квартал.

Но всё же для современной Республики Мали более характерен другой пример: в деревне Йаджанга (регион Бандиагара, округ Коро) местный католический священник о. Габриель Сагара исцеляет больных любого вероисповедания – и мусульман, и христиан, и язычников⁶. Они совершают совместные молитвы, и все вместе живут в особом лагере на некотором расстоянии от деревни. Там чисто и царит идеальный порядок (*рис. 2*). По словам жителей этого временного поселения, никаких межконфессиональных конфликтов там не случается⁷.

Таким образом, в современной Республике Мали на смену средневековому разведению разных религий и конфессий в пространстве пришло их совместное проживание. Конфликты же между разными социальными, конфессиональными, этническими и любыми другими группами смягчаются или вовсе снимаются институтом шуточного родства, который переводит их в «карнавальную» форму⁸.

Но проследить постепенное развитие такой тенденции можно и в Средние века. Так, признаки растущей взаимных влияний доисламских обычаев и ислама были заметны ещё в XIV в. в империи Мали: «она была весьма успешна в реализации программы, где ислам и политика работали в тесном сотрудничестве. Эта тесная связь культуры и государственного управления полностью преобразила политику региона на столетия вперед» [Gomez, 2018, p. 144]. О том, как это выглядело на деле, оставил интересное сообщение Ибн Баттута, который в правление мансы Сулеймана посетил Мали. Приверженность манден явно доисламским традициям произвела на правоверного мусульманина шокирующее впечатление: «К числу [дурных обычаев относится] и то, что женщины входят к султану голыми и с открытыми лицами. Его дочери также ходят голыми. В двадцать седьмую ночь рамадана я видел около ста девушек, которые вынесли из его дворца еду и были голыми. Вместе с невольницами были и две дочери султана, с уже оформившейся грудью. На них не было никакой одежды.

«К числу [их дурных деяний относится] и то, что они из почтительности посыпают себе головы пылью и пеплом.

⁵ Рис. 1–4 см. на цветной вклейке.

⁶ В деревнях догонов нередко можно видеть и мечеть, и церковь. В таких деревнях много и приверженцев традиционной религии, которые живут бок о бок с мусульманами и христианами. Если же в деревне есть только мечеть, это значит, что все её жители уже приняли ислам – по крайней мере, формально.

⁷ Подробнее об этом см.: [Куценков и др., 2019, с. 34–35].

⁸ Подробно о роли юмора в общественной жизни Мали, Гвинеи и Буркина-Фасо см.: [Завьялова, Куценков, 2020; 2021].

«К таким же [деяниям] относятся также и те шуточные стихи, о которых я рассказывал. И сюда же относится то, что они едят падаль, собак и ослов» [*История Африки*, 1990, с. 365].

Те «шуточные стихи», о которых пишет Ибн Баттута, декламировались гриотами («дьяли», *jeli* или *jali* на языках манден), что является, возможно, наиболее ранним упоминанием о них. Здесь же мы встречаем и упоминание обычаев, связанных с шуточным родством в виде юмористических приставаний «младших по званию» к «старшим». Из этого же описания можно понять, что в придворных церемониях мусульманского владыки принимали участие «священные шуты» коредуга⁹, причём, в ходу были и маски птиц¹⁰, которые существуют и сейчас (например, маска по. 1979.206.247 в Музее Метрополитен, Нью Йорк). Поскольку коредуга связаны с тайным обществом Коре, активно действующим у народов манден и в наши дни, есть основания предполагать, что и оно существовало уже, по крайней мере, в XIV в., причём чувствовало себя совершенно свободно при дворе мусульманского царя Мали.

«ТАИНСТВЕННЫЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ»

Согласно устным историческим преданиям догонов, в феврале 1864 г. в пещерах неподалёку от города Бандиагара таинственным образом исчез основатель теократической империи тукулёров Тиджания Эль Хадж Умар Талль. История предводителя тукулёров была подробно описана Морисом Делафоссом [Delafosse, 1912, II, p. 305–340], из неё следует, что на самом деле ничего таинственного в этом исчезновении не было – взорвался склад боеприпасов, и останков Эль Хадж Умар Талля после взрыва не нашли. Тем не менее, версия таинственного исчезновения прочно утвердилась в народной молве, причём, подчас с довольно затейливыми вариациями: «семья его утверждает, что в последний раз видели его скачущим в белых одеждах на восток» [Tall, 2006, p. 86]. Традиция исчезновения представителей радикального ислама была продолжена уже в наши дни: в 2012 г. на скальном уступе около деревни Энде пропал некий безымянный джихадист (его напарника местные жители изловили на рынке в Бандиагаре и сдали в жандармерию).

Таинственные исчезновения начались задолго до Эль Хадж Умар Талля: так, после победы манден над сусу в битве при Кирина 30 апреля 1235 г., раненый предводителем манден Сунджатой царь сусу, колдун Суманджуру, бежал в город Куликоро, где и исчез в пещере.

Таинственные исчезновения случались, так сказать, и на локальном уровне: примерно в то же время, когда Суманджуру сражался с Сунджатой Кейта, на место будущей догонской деревни Энде (округ Банкасс региона Бандиагара) пришёл некто Андумере, колдун и злодей. Согласно устному историческому преданию кварталов Энде Торо и Огоденгу, в то время на месте деревни жили некие Набико, Антандугу и Доготовара. Андумере вызвал своих родичей и после того, как те прибыли на место Энде, Набико ушёл, Доготовара был убит, а Антандугу таинственно исчез в скалах и пещерах, которых на нагорье Бандиагара очень много, совсем как три упомянутых выше персонажа¹¹.

Присутствие одного и того же мотива и в догонской, и в манденской устных традициях является одним из доказательств связи между этими народами и косвенно подтверждает общедогонский миф о происхождении из Страны манде, но в данном контексте важно то, что в традиционный сюжет, который можно назвать «рассказы о таинственных исчезновениях», появившийся явно на местной почве, вплетаются и мусульманские действующие

⁹ Подробно о них см.: [Завьялова, Куценков, 2021].

¹⁰ Вероятно, это первое письменное упоминание масок на территории современной Республики Мали.

¹¹ Подробно об устных исторических преданиях деревни Энде см.: [Куценков, 2019].

щие лица, причём на совершенно тех же правах, что и язычники вроде Суманджуру или Антандугу. Тут будет уместно снова вспомнить и о средневековых арабоязычных письменных источниках, сведения из которых подчас находят прямые аналогии в устных традициях, зафиксированных уже в наши дни.

Так, в истории империи Сонгай выдающуюся роль сыграл сонни (ши) Али, который, фактически, и создал эту империю. Однако авторы «Тарих ал-фатташ» и «Тарих ас-Судан» относятся к нему крайне негативно: обзывают сонни Али хариджитом и проклятым «притеснителем и лжецом» [*Суданские хроники*, 1984, с. 152], изображая его совершеннейшим чудовищем и законченным садистом. В описаниях отвратительных деяний сонни Али есть упоминание об одном характерном проявлении его садистских наклонностей: он «вспарывал живот живой женщине и вынимал её зародыш» [*Суданские хроники*, 1984, с. 45].

Судя по одному из устных исторических преданий деревни Энде, лет за двести до сонни Али только что упомянутый Андумере совершал те же злодеяния, что и владыка Сонгай: «Однажды беременная женщина ушла из Ансамаи Дуна. Когда люди увидели её издалека, то сказали, что ребёнок в ее утробе – сын другой девушки! Андумере схватил женщину и разорвал её живот, чтобы узнать, какого пола ребенок» [Куценков, 2019, с. 54]. Тем же мотивом, позаимствованным из «Суданских хроник» и, возможно, устных традиций догонов, воспользовался в своём романе «Долг насилия» выдающийся малийский писатель Ямбо Уологом, догон по происхождению. В прологе он описывает те же ужасы про женщин с разорванными утробами [Oulogem, 2003, p. 26].

В наши дни эти страшные рассказы воспринимаются как мифические, поскольку в Мали ничего подобного нет¹². Напротив, в повседневной жизни этой страны в глаза прежде всего бросается именно мягкость и гуманность (*mɔ̀gɔ̀ya* – яз. бамананкан) малийцев, которая считается высшей добродетелью: во время своих многочисленных поездок в эту страну автор ни разу не видел не то, чтобы кто-то поднимал руку на ребёнка, но даже не может припомнить, чтобы били лошадь, осла или собаку. Что касается детей и женщин, то это неприкосновенные, почти священные существа – даже дорожная полиция не останавливает женщин на мотороллерах, которые решительно не соблюдают правила движения и вытворяют на дороге всё, что им заблагорассудится. Конечно, как честно говорят сами малийцы, в семьях случается всякое, – но обществом это не приветствуется и является вопиющим нарушением его устоев.

Таким образом, как и в случае с «таинственными исчезновениями», один и тот же мотив присутствует и средневековых мусульманских исторических хрониках, и в устных исторических преданиях, зафиксированных уже в наши дни, но восходящих к XII–XIII вв., и даже в современной малийской литературе на французском языке. Иными словами, он обнаруживает удивительную устойчивость и никак не обусловлен «конфессиональной принадлежностью» того или иного источника, т.е. характерен для всей малийской культуры именно как единого целого.

ГЕНЕАЛОГИИ

В родословиях малийских кланов и династий влияние ислама сказывается, прежде всего, в стандартной процедуре возведения их происхождения к неким знаменитым мусульманским предкам. Так, согласно Тарих ас-Судан, первым царём государства Сонгай был некто ал-Айаман (т.е. «йеменец» [*Суданские хроники*, 1984, с. 150–151]). Как в примечаниях отметил Л.Е. Куббель, возведение царей Сонгай к арабам Йемена – «типичная этногенетическая и генеалогическая фиксация, имеющая в виду “облагородить” первую

¹² Единственное исключение – джихадисты, которые терзают страну с 2012 г.

сонгайскую династию»¹³ [Суданские хроники, 1984, с. 434, прим. 361]. Схожую процедуру претерпели и Кейта: прародителем этого джаму был объявлен не кто-нибудь, а Билаль, первый муэдзин и один из сподвижников Мухаммада [Conrad, 1985, p. 35]. Он был родом из Эфиопии и родился в рабстве: «Ещё будучи рабом, он принял ислам, и за это его пытал его хозяин, Умайя ибн Халаф. Когда Абу Бакр ас-Сиддик (ум. 634), добрый друг пророка Мухаммада, услышал о героизме Билалья, он выкупил и освободил его во имя ислама. Билаль стал личным помощником пророка» [El Hamel, 2014, p. 125]. Таким образом, сподвижник пророка Билаль оказывается предком основателя империи Мали, убеждённого язычника Сунджаты Кейта.

Дэвид Конрад приводит ещё один пример обретения престижного мусульманского предка явно доисламской традицией: это случай с предком касты гриотов марка (сонинке, сарраколе). Согласно устной традиции, им стал некто Сураката, или Сурака бн. Малик бн. Джу'шум. Враги подослали его к пророку, чтобы тот убил его, но Сураката уверовал и, подобно Билалю, стал одним из сподвижников Мухаммада. В этом случае, ислам переплетается с явно языческими нравами и обычаями особенно причудливо: по разным версиям предания, Сураката или пьёт кровь из раны пророка, или оmyвается его кровью. По ещё одной версии, на него капает кровь либо убитых врагов, либо убитых животных [Conrad, 1985, p. 39–40].

«Кровавый» эпизод истории Сураката находит аналогию в доисламском эпосе марка «Лютня (т.е. н'кони. – П.К.) Гасире». Гасире – местный предшественник Сураката, потомок царей и первопредок касты гриотов у марка. Как говорится в эпосе, на его н'кони капала кровь сыновей, и тот запел сам по себе. Скорее всего, тут речь идёт о стандартной процедуре превращения некоего предмета в фетиш. Как объяснил автору догон Сейду (Жюстен) Гиндо (деревня Энде), для этого надо окропить этот предмет жертвенной кровью – после данная вещь может обрести сверхъестественные свойства, но не обязательно (в этом случае, жертвы ей больше не приносят). Н'кони Гасире сверхъестественные свойства обрёл, что, кстати, в определённом смысле уподобляет его волшебному коню¹⁴ догонского пророка Амабире Горо, – того похоронили без его музыкального инструмента, что, согласно мифу, сыграло роковую роль в истории малийских пророков и шейхов. В Сегу тоже обнаруживается фигура мусульманского предка-основателя: как считают жители Сегу Коро, слово «Сегу» происходит от имени его основателя, шейха (*seku* или *segu*, яз. бамаманкан; во французской транскрипции *sécou* или *ségou*) мусульманина-араба Маруфа Калакиу (*Kalakiou*) [Philippe, 2013, p. 29].

¹³ Несмотря на попытку связать ал-Аймана с исламом, объявив самого его мусульманином, «а отступничество – де произошло после него, среди его потомков» [Суданские хроники, 1984, с. 150–151], ас-Садди указывает точную дату обращения одного из царей в ислам – 400 г. хиджры, т.е. 1009/1010 г. н.э. Однако особой твёрдости в вере владыки Сонгай явно не обнаруживали: устная традиция объявляет его носивших титул ши (или сонни) преемников, т.е. царей первой династии Сонгай начиная с Али Колена, колдунами [Суданские хроники, 1984, с. 434, прим. 359].

¹⁴ То же, что н'кони у манден. Из-за того, что Амабире похоронили без коня, после него родился не новый пророк, но «всего лишь» шейх Саля Карамбе. Подробно об истории пророка Абире (*Abire*, сокращение от *Amabire*, т.е. «Творение Господне») Горо (*Goro*) см.: [Ванюкова, Куценков, 2022, с. 95–97; Куценков, 2022(1), с. 143–144; 2022(2), с. 90–92]. Тут мы ограничимся замечанием, что история Амабире Горо, который, подобно Иисусу, «родился от неизвестного отца», и, подобно Мухаммеду, в день смерти был замечен в двух разных местах, с точки зрения и мусульманина, и христианина является проявлением вопиющей ереси. Однако это не мешает и догонам-мусульманам, и догонам-христианам, и приверженцам традиционной религии одинаково почитать Амабире. То, что в легенде упоминаются аския Мухаммад и малийские шейхи, привязывает историю Амабире к великим историческим деятелям-мусульманам, т.е. в данном случае «облагораживается» история целого этноса.

Имеются и другие памятники синтеза местных устных традиций с исламом. Так, в одной из версий Хартии манден, принятой в Курукан Фуга (город Кангаба) в 1236 г., среди воинов, участвовавших в собрании, упомянут некто Касим Гиндо [La charte du Mandingue, 2015; Завьялова, 2022]. Скорее всего, появился он в тексте Хартии совсем недавно в результате характерной для Африки южнее Сахары «сознательной переделки идеологической традиции», о которой в своё время говорил Л.Е. Куббель [Куббель, 1988, с. 84]. Быстрая трансформация устной традиции – скорее норма, чем исключение: некий информант рассказывает вам одну версию предания, а через пару лет тот же информант рассказывает уже нечто прямо противоположное, руководствуясь при этом политической целесообразностью.

Дело в том, что догоны действительно считают себя младшими братьями Кейта, что подтверждают и гриоты Кейта, Куйате¹⁵. В случае же с Касимом Гиндо обращает на себя внимание то обстоятельство, что, судя по имени, он был мусульманином. Во времена Сунджаты это было очень маловероятно: по некоторым версиям мифа об исходе догонов из Страны манде «во времена правления императора Мали Канку Мансы Мусы» это событие было связано именно с неприятием ислама [Bilot, 2013, p. 4].

До 1990-х гг. мусульман среди догонов было мало, и до относительно недавнего времени они упорно сопротивлялись исламизации. Тем не менее, в генеалогиях догонских вождей встречаются мусульманские имена. Так, третий вождь расположенной на северо-востоке нагорья Бандиагара деревни Семари (регион Бандиагара, округ Бандиагара), Калифа Барри (конец XIII – начало XIV вв.) [Описание деревни Семари, 2016, с. 108], судя по имени, был мусульманином, причём в данном случае не прослеживается стремление возвести род вождя к знаменитым предкам. Но есть другое: даже в деревне Семари, которая до сих пор упорно и сознательно сопротивляется исламизации, можно наблюдать причудливый и запутанный синтез этой религии с традиционной доисламской культурой. В Семари есть маленькая мечеть и небольшое количество мусульман (так, учительница деревенской школы – мусульманка). Их никто не преследует и в правах не ущемляет. Но на дороге к Семари, в саванне, перед путешественником неожиданно вырастает сложенная из камней невысокая стена, обозначающая границу деревенских владений. За неё запрещено заходить красильщикам тканей и «чужим» мусульманам (этот запрет постоянно нарушается). Трудно придумать более зримый и осязаемый символ неприятия ислама и приверженности традиционной религии. Но при этом в историческом предании деревни говорится, что «жители Семари происходят из древней деревни “Генде”, отсюда и их [клановое] имя “Гендеба”». Сама же деревня Генде была основана жителями Гудуба, которые пришли из Манден-Каба» [Описание деревни Семари, 2016, с. 107].

Манден-Каба – не что иное, как святилище в городе Кангаба в Мали, в 50 км от границы с Гвинеей, ставшем колыбелью средневековой империи Мали. Оно представляет собой круглый традиционный дом, чьи размеры заметно больше обычного (рис. 3). Вокруг него расположены священные места, с исламом явно никак не связанные – это могилы предков основателя империи Мали, язычника Сунджаты Кейта. Находится Манден Каба со всеми своими языческими атрибутами рядом с городской пятничной мечетью.

Этот эпизод устного исторического предания Семари привязывает его к общедогонскому мифу о происхождении из Страны манде, откуда действительно пришла часть современного населения нагорья Бандиагара. Однако топоним Гудуба (*Goudouba*) обнаруживается вовсе не в Стране манде, а в 400 км к востоку от Семари, рядом с городом Дори, административным центром провинции Сено (Буркина-Фасо). Правда, тот же топоним (*Guduba*) можно найти возле города Кано в северной Нигерии и на севере Камеруна, однако вряд ли предки

¹⁵ Вовсе не все Кейта считают себя братьями догонов – один из представителей этого джаму в разговоре с автором не без иронии заметил, что «догоны примазываются к Кейта».

жителей Семари преодолели такое большое расстояние: учитывая тесные связи севера Буркина-Фасо со Страной догонов, отмеченные ещё Морисом Делафоссом [Delafosse, 1912, I, p. 363], речь, скорее всего, идёт именно о деревне в провинции Сено¹⁶.

В данном контексте важно то, что устное историческое предание Семари представляет собой ещё один красноречивый пример синтеза традиционной доисламской культуры с исламом: история этой по преимуществу языческой деревни возводится к Кангаба, и при этом используется название «Манденская Кааба», опять-таки, привязывающая этот город к исламу (в то время, как и сама эта «Кааба» представляет собой не что иное, как доисламское языческое святилище). Таким образом, к исламу привязывается и история деревни, чьё население упорно придерживается традиционной религии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в средневековых арабоязычных источниках зафиксировано разделение мусульман и приверженцев традиционных религий, но некоторые их фрагменты позволяют сделать вывод о мирном сосуществовании разных религий и их взаимном влиянии: во всяком случае, при дворе мусульманских царей империи Мали практиковались совершенно языческие обычаи, причём дожившие и до наших дней.

В современных устных малийских исторических преданиях, чрезвычайно изменчивых и противоречивых, царит полная конфессиональная сумятица: на совершенно равных правах с «традиционными» деятелями там присутствуют мусульманские персонажи, а истории малийских этносов, субэтнических групп и отдельных деревень при помощи различных уловок связывается с историей ислама в Мали. Так, в «рассказах о таинственных исчезновениях» наряду с язычниками вроде Суманджуру и Антандугу действуют мусульмане – один из пяти малийских шейхов Эль Хадж Умар Талль и безымянный джихадист, сгинувший в деревне Энде в 2012 г.; упоминание асхии Мухаммеда в контексте истории об Амабире Горо помещает и пророчество о возвращении догонов в Страну манде, и культуру совсем недавних язычников-догонов, как и всю культуру Мали, в контекст мусульманской цивилизации.

Не меньше чудес можно найти в генеалогиях вождей и даже целых этносов: история языческой деревни Семари возводится к «Манденской Каабе», т.е. деревне, в которую запрещён вход мусульманам, легитимизирует своё историческое предание... при помощи ислама. Примерно то же можно видеть и в случае с Касимом Гиндо – этот персонаж, явно возникший в традиции совсем недавно, связывает всех носителей тиге¹⁷ Гиндо с Кейта, самым аристократическим кланом Западной Африки, у которых тоже имеется великий мусульманский предок.

Если же выйти за пределы устных традиций и обратиться к другим сферам культуры, например, к архитектуре, то и там мы найдём тот же синтез традиционной доисламской культуры с исламом, причём, проявляющийся не только в том, что язычник Мамари Битон Кулибали построил первую в Старом Сегу (Секоро) мечеть, а портал знаменитой мечети в Дженне явно напоминает догонскую маску Валу. Сам «Суданский стиль», безраздельно царящий в традиционной архитектуре Мали, представляет собой синтез заимствований из мусульманской архитектуры и сугубо местных черт¹⁸. Столь же тесное переплетение ислама с доисламской культурой в Мали и в соседних странах можно воочию наблюдать и в деревенском быту, – к примеру, в мусульманской деревне Кору рядом с городом Бобо-Диуласо (Буркина-Фасо) и шагу нельзя ступить без того, чтобы не встретить на пути фе-

¹⁶ Подробно о происхождении и миграциях догонов см.: [Куценков, 2022(2), с. 60–95].

¹⁷ Клановое имя, джаму у догонов.

¹⁸ Подробно об этом см.: [Куценков, 2022(1)].

тиш, языческое святилище или мастерскую по производству отнюдь не безалкогольного традиционного пива (рис. 4).

Подводя итог, можно констатировать, что за 1290 лет, прошедших с тех пор, как мусульмане оказались на территории современной Республики Мали, там сложился синтез традиционной доисламской культуры с исламом, причём такой, что современная традиционная культура Мали является мусульманской совершенно в той же степени, что и доисламской. Распространённые сетования на то, что ислам-де разрушил традиционную культуру, конечно, не лишены некоторых оснований. Но, с точки зрения культурологии, причитания по безвозвратно погибшей традиционной культуре представляются малопродуктивными, тем более, что она не погибла, но, как положено всякой живой традиции, претерпевает постоянные и подчас очень быстрые изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ванюкова Д.В., Куценков П.А. Экспедиция в Мали 2022 года. *Восточный курьер*. 2022. № 1. С. 86–102 [Vanyukova D.V., Kutsenkov P.A. 2022 Expedition to Mali. *Oriental Courier*. 2022. No. 1. Pp. 86–102 (in Russian)].
- Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Т. 2. Арабские источники X–XII веков. Подготовка текстов и перевод Л.Е. Куббеля и В.В. Матвеева. М., Л.: Наука, 1965 [Ancient and medieval sources on the ethnography and history of the peoples of Africa south of the Sahara. Vol. 2. Arabic sources of the 10th–12th centuries. L.E. Kubbel, V.V. Matveyev (ed., tr.) Moscow, Leningrad: Nauka, 1965 (in Russian)].
- Завьялова О.Ю. Неотрадиционализм хартии манден. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2022. Т. 14. № 2. С. 193–210 [Zavyalova O.Y. The Neo-Traditionalism of the Manden Charter. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2022. T. 14. No. 2. Pp. 193–210 (in Russian)].
- Завьялова О.Ю., Куценков П.А. Смеховая культура народов Мали и Гвинеи (сенанкуя). *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 150–160 [Zavyalova O.Yu., Kutsenkov P.A. The Laughing Culture of the Peoples of Mali and Guinea (Senankuya). *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 150–160 (in Russian)].
- Завьялова О.Ю., Куценков П.А. Традиция и словесность (смеховая культура Мали и Гвинеи). *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 150–160 [Zavyalova O.Yu., Kutsenkov P.A. Tradition and Literature (Culture of Laughter of Mali and Guinea). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 150–160 (in Russian)].
- История Африки в древних и средневековых источниках. *Хрестоматия*. Под ред. О.К. Дрейера. Сост. С.Я. Берзина, Л.Е. Куббель. М.: Наука, 1990 [History of Africa in Ancient and Medieval Sources. An Anthology. O.K. Dreyer (ed.), S.Ya. Berzina, L.Ye. Kubbel (comps.) Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].
- Куббель Л.Е. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука, 1988 [Kubbel L.E. *Essays on Potestary and Political Ethnography*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].
- Куценков П.А. История г. Дженне (Мали) и традиционная политическая культура. *Восток (Oriens)*. 2017. № 6. С. 76–87 [Kutsenkov P.A. The History of the City of Djenne (Mali) and the Traditional Political Culture. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 6. Pp. 76–87 (in Russian)].
- Куценков П.А. Устные традиции деревни Энде (Страна догонов). *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 51–59 [Kutsenkov P.A. Oral Traditions of Endé Village (Dogon Country). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 51–59 (in Russian)].
- Куценков П.А. Традиционная культура догонов (Мали) в контексте цивилизации ислама. *Восток (Oriens)*. 2022(1). № 5. С. 135–145 [Kutsenkov P.A. The Traditional Culture of Dogon (Mali) in the Context of Islamic Civilization. *Vostok (Oriens)*. 2022(1). No. 5. Pp. 135–145 (in Russian)].
- Куценков П.А. *Эволюция традиционной культуры в эпоху глобализации: догоны, Республика Мали*. Москва: ИВ РАН, 2022(2) [Kutsenkov P.A. *Evolution of Traditional Culture in the Age of Globalization: The Dogon, Republic of Mali*. Moscow: IOS RAS, 2022(2) (in Russian)].
- Куценков П.А., Ванюкова Д.В., Лаврентьева Н.В. Экспедиция в Республику Мали (Страна догонов, регион Мопти) в январе 2019 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2. С. 25–38

[Kutsenkov P.A., Vanyukova D.V., Lavrentyeva N.V. Expedition to the Republic of Mali (Dogon Country, Mopti region). *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019. No. 2. Pp. 25–38 (in Russian)].

Описание деревни Семари, составленное её вождём Буреима Гандеба. Пер., комм. П.А. Куценкова. *История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов*. Отв. ред. Т.М. Гавристова. Ярославль: Филигрань, 2016. С. 100–110 [Description of the village of Semari, compiled by its leader Bureima Gandeba. P.A. Kutsenkov (tr., comm.) *History of Africa: people and destinies: collection of documents and materials*. T.M. Gavristova (ed.). Yaroslavl: Filigrée, 2016. Pp. 100–110 (in Russian)].

Суданские хроники. Пер. с араб., вступ. ст. и примеч. Л.Е. Куббеля. Москва: Наука, 1984 [*Sudanese Chronicles*. L.E. Kubbel (tr.) Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Bilot A. Un peuple étrange: les dogon du Mali... *Mémoires de l'Académie des Sciences, Arts et Belles-Lettres de Touraine*. 2013. Vol. 26. Pp. 1–9, 42.

Conrad D.C. Islam in the Oral Traditions of Mali: Bilali and Surakata. *Journal of African History*. 1985. Vol. 26.1. Pp. 33–49.

Delafosse M. *Haut Sénégal-Niger*. 3 tomes. Paris: Émile Larose, 1912.

El Hamel C. *Black Morocco: a history of slavery, race, and Islam*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Gomez M.A. *African Dominion: A New History of Empire in Early and Medieval West Africa*. Princeton: Princeton University Press, 2018.

Holder G. Djenné, «la ville aux 313 saints». *Cahiers d'études africaines*. 2012. No. 208. <http://journals.openedition.org/etudesafricaines/17152> (accessed: 10.09.2020).

La charte du Mandingue. 09.08.2015. <http://www.mandiana.com/publications/la-charte-du-mandingue> (accessed: 15.03.2021).

Leyser C., Standen N., Wynne-Jones S. Settlement, Landscape and Narrative: What Really Happened in History. *Past & Present*. 2018. Vol. 238. Suppl. 13. Pp. 232–260.

McIntosh R.J. The Origin of Djenné from Archaeological Evidence. *Djenné. An Introduction to the Millennial City*. J. Brunet-Jailly (ed.). Bamako: Editions Donniya, 2009. Pp. 12–20.

Ouologuem Y. *Le Devoir de Violence*. Paris: Le serpent à plumes, 2003.

Philippe S. *Ségou, une région d'histoire*. Bamako: Editions Memoria, 2013.

Takezawa S., Cisse M. Discovery of the Earliest Royal Palace in Gao and Its Implications for the History of West Africa (Découverte du premier palais royal à Gao et ses implications pour l'histoire de l'Afrique de l'Ouest). *Cahiers d'études africaines*. 2012. Vol. 52. No. 208. Pp. 813–844.

Tall H. Al Hajj Umar Tall: The Biography of a Controversial Leader. *Ufahamu: A Journal of African Studies*. 2006. No. 32 (1–2). Pp. 73–90.

Traoré El Hadj M. (dit Bia-Bia). «Communication de Mr. El Hadj Mamadou Traoré dit Bia-Bia. Histoire et peuplement à Djenné», suivi de «Débats». *Actes du premier séminaire culturel de Djenné du 17 décembre 1980*. Bamako: Division du Patrimoine culturel (Ministère des Sports, des Arts et de la Culture-DNAC, Mali), 1984. Pp. 48–53, 55–58, 61–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЦЕНКОВ Пётр Анатольевич – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Petr A. KUTSENKOV, DSc (Cultural Studies), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье П.А. Куценкова

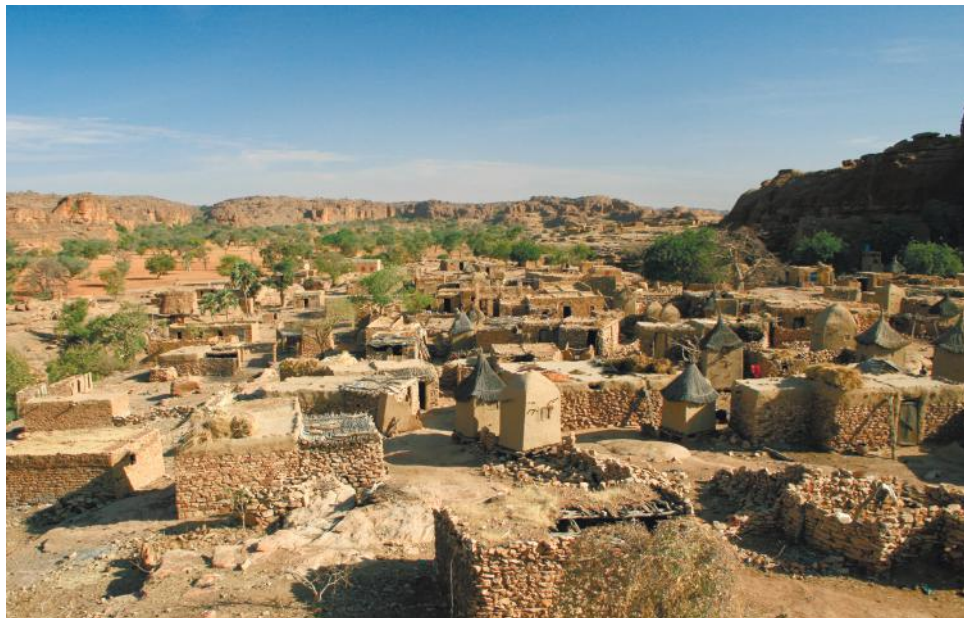

Рис. 1. Христианский квартал деревни Бенемату. Вдалеке слева от горы – мусульманский квартал
Fig. 1. The Christian quarter of the village of Begnematu. In the distance, to the left of the hill, is the Muslim quarter

Рис. 2. Лагерь в деревне Йаджанга
Fig. 2. Camp in the village of Yadjanga

Рис. 3. Манден-Каба

Fig. 3. Manden-Kaba

Рис. 4. Алтарь близнецов в деревне Кору

Fig. 4. Altar of the Twins in the village of Koro